

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Т57

Valérie Tong Cuong

PROVIDENCE

© Editions Stock, 2008

Перевод с французского *Л. Ефимова*

Разработка серии *А. Саукова*

Тонг Куонг, Валери.

Т57 Провидение / Валери Тонг Куонг ; [пер. с фр. Л. Ефимова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 224 с.

ISBN 978-5-699-89769-8

Что может объединить мать-одиночку, работающую секретаршей и больше всего на свете боящуюся, что ее уволят; известного продюсера, который надеется, что женитьба на капризной красавице позволит ему начать жизнь с чистого листа; немолодого архитектора, которому накануне врач сообщил о смертельном диагнозе; девушку-юриста, которая считает, что черный цвет кожи помешает ей сделать карьеру? Конечно, в обычной жизни у них вряд ли может быть что-то общее. Но судьба, известная баловница и причудница, перетасовала карты и заставила их встретиться в парижском госпитале и каждому из них подарила шанс на счастье.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Ефимов Л., перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-699-89769-8

Эрику

«Претерпим же все с мужеством: ибо все происходит не случайно, как полагают, но в свое время».

Сенека

GOODBYE MARYLOU¹

— Э, только не в моем такси, дамочка. Может, это вы тут будете дерьмо убирать?

Я почувствовала, как бутерброд разломился у меня в руках и кусочек упал на пол. Ну же, ответь ему, Марилу, давай, скажи, что имеешь право поесть и чтобы тебя уважали, скажи этому придурку, что тебе плевать на него — просто плевать, ладно?

За несколько минут движение застопорилось. Почти без четверти два. Таким ходом я обязательно опоздаю.

— Простите, месье, а такая задержка это нормально?

Тип вздохнул, покачав плешивым черепом.

— Ну...

¹ Название песни известного французского автора-исполнителя Мишеля Польнареффа.

— Я хочу сказать... думаете, мы тут надолго застряли?

— А я что, медиум?

— Нет, конечно. Просто я очень тороплюсь. Он похлопал пальцем по баранке.

— Как и все.

На мгновение мне вспомнились тысячи призрачных фраз, хлестких реплик, язвительных ответов, оставшихся незримо висеть в воздухе, потому что я на них так и не решилась — все эти гордые, ни разу не выпущенные когти.

На этот раз мы встали намертво. Из машины перед нами вышел мужчина и попытался определить, где пробка.

— Ну, что там за бардак?

— Толком не рассмотреть, — ответил мужчина. — Похоже, грузовик пытался свернуть на пешеходную улицу да застрял на перекрестке. Трудновато ему будет проехать.

— Что за дерьмовый квартал.

Таксист выключил зажигание. Вокруг нас дрожали на солнце выхлопные газы. Без десяти два. Руки влажные, сердце щемит, страшно хочется в туалет. Я тоже не медиум. Однако я вижу свое неизбежное будущее как на ги-

гантском экране. Едва заметив меня, господин Фаркас выскочит из своего кабинета как угорелый. Вырвет сумку у меня из рук и призовет весь этаж в свидетели, завопив: «Только поглядите на эту рохлю, на эту камбалу вареную, на эту дряблую устрицу, не способную даже вовремя ксерокопии сделать!» Потом выхватит папки с документами и в бешенстве бросит мою сумку на пол, а напоследок унизит меня фразой типа: «И слушайте, сделайте с собой что-нибудь, Марилу, вы же потеете, как масло на солнце, надо ведь следить за собой! Спасибо за прекрасный образ нашей компании!»

Не надо быть медиумом, чтобы догадаться: никто и бровью не поведет. Все опустят головы, будут рыться в своих ящиках, притворяться, будто звонят по телефону. Довольные тем, что я у них вместо громоотвода.

Я на них не сержусь: на их месте я и сама вела бы себя не лучше. Я уже давно смирилась с тем, что и в классе угнетенных есть собственная иерархия. Я в самом низу лестницы. «Но все-таки на лестнице», — подчеркнул господин Фаркас в тот единственный раз за десять лет, когда я осмелилась попросить прибавки. «Вы бредите, что ли, Марилу? В каком мире вы живете? Считаете себя обделенной судьбой? Так я

вам скажу, что с вашей минимальной зарплатой и пособием матери-одиночки вы получаете в месяц больше, чем квалифицированный рабочий! Осторожнее, Марилу, стоит мне пнуть по стенке, и с потолка полтора десятка таких, как вы, посыплются!»

Он меня пугает, делает мне больно, но он прав: мне еще повезло. Достаточно выглянуть наружу. Взглянуть, например, на эту закупоренную улицу, которая воняет смертью: вон, бомж едва держится на ногах, прикрывает рукой глаза от солнца. Он, наверное, всего-то на пять-десять лет старше меня, а выглядит стариком. Явно одиночка, если упадет, никто им не заинтересуется — и он тоже никем не интересуется. Это моя теория: чтобы выкарабкаться, достаточно чувствовать ответственность за кого-нибудь. И вот вам доказательство: мой Поло и я. Господин Фаркас может сколько угодно выдумывать для меня новые оскорбления, через день выливать кофе, который я ему приношу, дескать, он уже остыл, или слишком крепкий, или слишком слабый; стоит мне с улыбкой подумать о Поло, чтобы обо всем забыть. Или вот, еще лучше, его последнее сочинение: опишите затруднительную ситуацию, свидетелем которой вы были. Мой Поло рассказал, как его учитель французского вел урок в при-

существовании инспектора из академии¹, в то время как к его зубам прилип кусочек салата. Я ему сказала: «Поло, это скользкая тема, найди что-нибудь другое!» А он говорит: «Нет, где мне найти такую же смешную, особенно если это представить».

На следующий день учитель, краснея, вернул ему сочинение: «Ну и нахал же ты, Поло!» И поставил ему лучшую отметку в классе. Это Поло, мой рай, мое тайное оружие.

— Крепко застряли, я же вам говорю.

Я аж подпрыгнула. Такси не продвинулось ни на сантиметр. Бомж, солнце, стрелки моих часов. Полтора десятка с потолка посыплотся, Марилу.

— Я выйду здесь.

— Вот те раз, — сказал таксист, оборачиваясь. — Не очень-то верится. А я, значит, езжай куда хочешь, так, что ли?

На зеркальце заднего вида раскачивалась подвешенная светящаяся фигурка — святой Христофор. Гораздо менее эффективный, чем Поло, это точно. Я добавила из собственного кармана два евро к сумме на счетчике со смут-

¹ Академия — название учебного округа во Франции, как правило, совпадающего с границами департамента.

ным и знакомым чувством, что я трусиха и при этом дура. Потом побежала зигзагами к входу в метро. Тяжеленная сумка резала плечо. Пять документов по пятьдесят страниц плюс приложения; уж лучше бы я взяла рюкзак — но такие мысли мне всегда приходят в голову слишком поздно.

Господин Фаркас настоял, чтобы встреча состоялась на нашей территории. Начало в пятнадцать часов. Я ничего не знаю о ее цели, кроме загадочной повестки дня, которую печатала сегодня утром, да о напряжении, которое царило у нас в конторе целых два дня, дольше, чем обычно. Начальство шушукалось, размахивая ультранавороченными калькуляторами. Господин Фаркас ходил из угла в угол, сжимая кулаки. Рвал газеты, даже не развернув. Надо сказать, что его там не больно-то жалуют, в этих газетах. Обзывают могильщиком, шкурником, падальщиком, это выводит его из себя. Его компания выкупает предприятия на грани разорения, потом оживляет их и перепродает с большим барышом. Ходят слухи, что он зарабатывает много денег, огромные суммы, и помещает их за границей, чтобы избежать налогов. Поговаривали даже об отмывании денег, о русской мафии — это правда, русских часто встречают в наших коридорах. Наверня-

ка по этой же причине утром на прошлой неделе какая-то маленькая женщина с седыми, очень коротко остриженными волосами наведальась к господину Фаркасу. Конечно, никто мне ничего не объяснял, но я же не дура: с маленькой женщиной пришли двое вооруженных до зубов полицейских, и она, похоже, была в отвратительном настроении. Все время, пока длился визит, полицейские охраняли этаж, насупившись и не выпуская из рук свое оружие, словно ожидали террористической атаки. Им удалось напугать меня до смерти. Потом женщина ушла вместе со своим эскортом, и вид у нее был еще более упрямый, чем по прибытии. Проводив их до лифта, господин Фаркас вызвал к себе в кабинет финансового директора и похлопал его по плечу с удивительной фамильярностью. По всей видимости, он был доволен своим днем.

В переходе пахло потом и пылью. Я уже готовилась пройти через турникет, когда услышала приближение поезда. Подумала о Поло, которому твержу каждый день, чтобы никогда не бежал, не догонял поезд. Но ведь Поло-то не работает на господина Фаркаса, и если я плачу студенту Политехнической школы (я точно сказала — Политехнической!) два раза в не-

делю, чтобы он повторял с ним уроки, так это ради того, чтобы сын мог выбрать себе другую жизнь, не такую, как моя. Так что я рванула как сумасшедшая со своей сумкой, которая свирепо отбивала такт по моей лопатке, скатилась по лестнице, перескакивая через ступеньки, и, когда уже зазвенел звонок, ворвалась головой вперед в вагон в тот самый миг, когда закрывались двери.

— Это ведь не последний, — заметила дама, сидевшая на первом откидном сиденье.

— Знаю, — отозвалась я.

— Опасно все-таки...

— Не хочу потерять работу.

— Понимаю, — заключила она, глядя в пустоту.

Я присмотрелась к своей соседке внимательнее. Что-то меня в ней тронуло. Я постаралась отогнать это ощущение, но нет, невозможно. И вдруг поняла: эта дама похожа на меня. Я повернула голову, оглядела людей вокруг: мы все были похожи друг на друга. У нас, наверное, были разные лица, разный пол, цвет кожи или волос, но у большинства был тот же затравленный вид, та же манера сутулить плечи и распускать живот: мы принадлежали к одной породе, изнуренной одними и теми же битвами.

Пока поезд колыхался на ходу, я считала станции, чтобы прикинуть время. Шесть остановок, потом пять минут пешком или две бегом. Ты успеешь, Марилу. Они их получают, свои драгоценные документы, настолько драгоценные, что тебе понадобилось проехать полгорода, чтобы их скопировать в «надежном» месте, по утверждению господина Фаркаса. Несколько лишних километров на моем личном счетчике. Капля воды по сравнению с остальным, полтора часа туда, полтора обратно, каждый день между автобусом, метро и скоростной линией. И речи быть не может, чтобы оставить тебе это в наследство, мой Поло. У тебя будут средства на жизнь, я тебе обещаю.

Его голос в моем сердце, его хрипловатый голос — сломался раньше времени. Мой мальчик. Он сказал:

— Сама видишь, мама, скоро все кончится, будет уже слишком поздно для нежностей.

— Кончится, Поло?

— Ну, я же совсем вырасту.

Он жалуется на мое вечное отсутствие. Он предпочел бы, чтобы я сидела дома на пособии, говорит, что это все же лучше, чем минимальная зарплата и каторга. Такие слова в его словаре, уже в двенадцать-то лет — это нормально?

— А за твои частные уроки с репетитором как мне платить?

— Они мне не нужны, у меня способности к математике, так сама математичка говорит.

Хуже всего, что Поло прав. Он на удивление хорошо считает. Можно подумать, будто этот мальчуган родился с калькулятором в голове. И вот с высоты своих метра тридцати девяти он втолковывает мне, что занятия со студентом-политехником на самом деле больше всего нужны мне самой. По-своему, конечно: он умеет быть дипломатичным.

— Мне спокойнее, что он с тобой занимается.

— Как раз это я и хотел сказать, мама.

С тех пор как Поло перешел в коллеж, он изменился. У него все те же круглые щеки, нежная кожа, но глаза стали другими. Временами кажется, будто он окунается в людей, в предметы, погружается в них. А в следующий миг — хоп, выдает славную шутку. Потому что он остроумен, мой Поло. Способен и мертвого развеселить, в любой час дня и ночи. Он балансирует между двумя мирами, фантазией и рассудительностью, между бунтом и благоразумием. Задает мне вопросы. Он тоже устал. Ему ехать до школы почти так же долго, как и мне до работы, но по другой причине: рядом

с домом он не мог оставаться, это было бы легальным убийством. Так директриса сказала в тот день, когда вызвала меня, этими же самыми словами. Я была потрясена, но она мне не оставила времени поразмыслить.

— Послушайте, я знаю превосходный коллеж, директор мой друг. Для Поло это далеко-далеко, но оно того стоит, поверьте мне.

Дело решилось меньше чем за пять минут. Я уж и не знала, то ли руки опустить, то ли радоваться. С одной стороны, сама я, как и всегда, ничего не выбирала. Вместо меня решила директриса. А с другой — хоть кто-то решил мне помочь, в первый раз. Я воспользовалась блатом! Привилегией, поблажкой в обход правил! Вообще-то такое со мной не должно было случиться, совсем, но я уж не буду жаловаться, ладно?

А Поло, надо было его видеть — такой гордый, до слез!

Скрежет стали по рельсам. Резкое торможение придавило меня к откидному месту. Должно быть, я брежу, что это, заговор? По вагону разносится голос машиниста: «Дамы и господа, из-за пострадавшего пассажира мы вынуждены остановиться на неопределенное время».